

Владимир Семенович Высоцкий

Собрание сочинений в четырех томах.

Том 4. Проза

25 января 2008 года Высоцкому, спорить о котором не прекращают и по сей день, исполнилось бы 70 лет. Это издание — первое собрание, сделанное не «фанатами», но квалифицированными литературоведами (составители — Владимир и Ольга Новиковы): все тексты являются выверенными и снабжены комментариями. «Собрания сочинений бывают у многих авторов, но не всегда количество переходит в качество. Только в счастливых случаях произведения одного автора образуют своего рода библию („библии“ по-греч. — „книги“). В случае с Высоцким это получилось. Мы еще не раз откроем его четырехтомник, чтобы искать ответы на вопросы третьего тысячелетия».

Вл. Новиков

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА

Дельфины и психи

Все нижеисписанное мною не подлежит ничему и не принадлежит никому. Так.

Только интересно, бред ли это сумасшедшего или записки сумасшедшего и имеет ли это отношение к сумасшествию?

Утро вечера мудренее, но и в вечере что-то есть. Бедная Россия, что-то с нею будет. Утром... Давали гречневую кашу с сиропом. Хорошо и безопасно. А Далила блудила с Самсоном. Одна старожила доложила, что Самсона уложила. Далила его подсторожила, взвалила металло меч, поносила, поголосила и убила Дездемону.

Про каннибалов рассказывают такую историю. Будто трое лучших из них (из каннибалов) сидели и ели елки да ели. Захирели, загрустили и решили: кто кого будет есть; один говорит: не меня, — другой говорит: не меня, — третий говорит: не меня. Кто же кого тогда? Никто. Потому что у каннибалов свои законы и обычаи: не хочешь — не ешь!

Доктор! Я не хочу этого лекарства, от него развивается импотенция. Нет развивается, нет развивается, нет развивается! Нет, нет, нет! Ну хорошо. Только в последний раз! А можно в руку? Искололи всего, сволочи, иголку некуда сунуть.

Далее и везде примечания.

А что это вы читаете? А? А! Понятно! А вы знаете, как поп попадьё извел? Что значит извел? Убил то есть. Ну! Развод по-итальянски. Вот. Он ее подкараулил и опустил на нее икону Спасителя. Тройной эффект. Во-первых, если уж Спаситель не спас, а убил, значит, было за что.

На прогулку я не пойду — там психи гуляют и пристают с вопросами.

Один спросил вчера, нет, сегодня... вчера... вчера...

— Вы, — говорит, — не знаете, сколько время?

— Не знаю, — говорю, — и вам не советую, потому что время — деньги, и время — пространство. А вы, — говорю, паразит. И живете небось по Гринвичу!

У Эйнштейна второй его постулат гласит: скорость света не зависит от скорости движения источника. Проще говоря:

$$\Theta = w/c^2 = w^2/c = \Theta$$

$$f \cdot mc^2/2(B)^3 \cdot 1^\circ_{111} \gg L \sim.$$

Это у него. А на практике у космонавтов все наоборот, и крысы у них мрут даже раньше, чем люди, потому что людям дают по 10 ж, а крысам, мышам и преступникам по 40. Проще говоря:

$$(W)^{\circ} - f_{cx}^2 - 1 = 0.$$

Я стал немного забывать теорию функций, ну да это восстановимо. Врач обещал... Врет, наверно. Но если не вре-е-ет... Господи, когда же ужин?

В кабинет профессора Корнеля, или нет, Расина... Тогда ладно.

В кабинет некоего профессора лингвиста-ихтиолога развязной походкой вошел немолодой уже дельфин. Сел напротив, заложил ногу на ногу, а так как закладывать было нечего, то сделал вид, что заложил. И произнес:

— Ну-с?

— Я вас не вызывал. — Профессор тоже сделал вид, что ничуть не удивлен, но не так-то легко обмануть умное даже животное, с подозрением на разум.

— Я сказал только «ну-с». А дальше вот что. Сегодня дежурный по океанариуму, фамилию забыл, во время кормления нас, — во-первых, тухлой рыбой, во-вторых, ругал нецензурно нас — я имею в виду дельфинов, — а также других китообразных и даже китов.

— В каких выражениях? — спросил профессор и взял блокнот.

— Уверяю вас, что в самых-самых. Там были и «дармоеды», и «агенты Тель-Авива», и — что самое из самых-самых — «разумные твари».

— Я сейчас распоряжусь — и его строго накажут.

— Не беспокойтесь, он уже наказан, но вы должны были бы попросить извинения за него, ведь вы той же породы и тоже не всегда стеснялись в выражениях! Население требует. Иначе будут последствия!

Только здесь оскорбленный профессор вспомнил, что дельфины еще не умеют говорить, что работе, конечно, еще далеко до конца и что как это он сразу не понял — ведь это сон, переутомление.

— О господи! — Он ткнул себя в подбородок хуком слева и закурил сигару.

— Господь не нуждается в том, чтобы его поминали здесь. Ему достаточно наших вздохов и обид. К тому же он сейчас спит. Вот его трезубец. — Здесь дельфин довольно бесцеремонно вытащил изо рта сраженного профессора сигару и закурил, пуская громадные кольца изо рта. После

чего произнес: «Фу! Какая гадость», раздавил сигару, впрочем, нет, давить ему тоже нечем, но он сделал что-то такое, от чего сигара зашипела и перестала существовать. — А теперь идемте, — пропищал он тоненьким голосом, именно голосом, на который так не надеялся профессор, сплюнул, поиграл трезубцем и встал.

Дельфины вообще любят резвиться. Они от людей отличаются добротой, выпрыгивают из воды, улыбаются и играют с детьми дошкольного возраста. Но этот дельфин, кажется, вовсе не собирался играть с дошкольниками. Во всяком случае, так показалось профессору, и он покорно встал на шатающиеся ноги...

А сегодня мне нянечка сказала: «Красавчика ты нашего» и еще — что я стал дисциплинированнее самых тихих (помешанных). Хорошо это или плохо? To be or not to be — вот в чем вопрос. Пишу латынью, потому — английского не знаю, да и не стремился никогда, ведь не на нем разговаривал Ленин, а только Вальтер Скотт и Дарвин, а он был за обезьян. В 3 часа 30 минут ночи один молодежавый идиот тихонько сунул мне в бок локтем и сообщил, что трамваи уже не ходят и последний 47-й прошел два часа назад, видимо развозя кондукторов, работников парка и случайных прохожих. «Последний троллейбус, по улицам мчи!» — и так далее. Эх, все-таки замечательная штука — жизнь!..

Доктор, я не хочу этого лекарства, от него бывает импотенция! Нет бывает, нет бывает, да бывает же, черт возьми! Ну ладно, в последний раз! Ну зачем опять! Прошу же — в руку!

Вчера мне снилась кто-то средняя между Брижит Бардо и Ив Монтаном. Это, наверное, началась нимфомания. Говорят, что Брижит не живет со своим мужем, потому что не хочет. Грандиозно у них там все-таки: не хочет, и все! И не живет!

А здесь — попробуй! Нет, и думать нечего! Выйду отсюда заставят. Они всё могут заставить. Изверги! Немцы в концлагерях, убийцы в белых халатах, эскулапы, лепилы! Гиппократы, и все. Ах, если бы не судьбы мира! Если бы не это! Если бы!..

Шестым чувством своим, всем существом, всем данным Богом Господом нашим разумом уверен я, что нормален. Но увы — убедить в этом невозможно, да и стоит ли!

И сказал Господь: «Да восчешутся руки мои, да возложутся на ребра твои, и сокрушу я их». Так и с недугом будет моим! — мне врач обещал, что к четвергу так и будет.

Все пророки — и Иоанн, и Исаак, и Соломон, и Моисей, и

еще кто-то — правы только в одном, что жил Господь, распнули его, воскрес он и ныне здравствует, царство ему небесное. А все другое — насчет возлюбленного ближнего, подставления щек под удары оных, а также «не забижай», «не смотри», «не слушай», «не дыши, когда не просят» и прочая чушь, — все это добавили из устного народного творчества. Да, вот еще! «Не убий». Это правильно. Не надо убить. Убивать жалко, да и не за что!

Сейчас начнутся процедуры, сиречь хвойные ванны, кои призваны поднимать бодрость духа нашего и тела, а также и достоинства.

Так что — не убий, и все тут. Я ни за что не пойду в столовую! Там психи едят и чавкают. Не уверяйте меня, именно чавкают, и вдобавок хлюпают! Ага! Эврика! Несмотря на разницу в болезнях — шизофрения там, паранойя и всякая другая гадость, — у них есть одно, вернее, два общих качества. Они все хлюпики и чавкики. Вот. И я к ним не пойду, я лучше возьму сухим пайком, имею я в конце концов право на сухой! У вас здесь и так все сухое: закон и персонал обслуживающий. И я требую сухой паск! Нет? Тогда голодовка, только голодовка может убедить вас в том, что личность — это не жрущая тварь, а нечто, т<о> е<сть> даже значительно нечто большее.

Да! Да! Благодарю! Я и буду голодать на здоровье. Читали историю КПСС (нет, старую)? Там многие голодали, и, заметьте, с успехом. А один доголодался до самых высоких постов и говорил с грузинским акцентом. Он уже, правда, умер, и тут только выяснилось, что голодовки были напрасны. Но ведь это через 40 почти лет! Ничего, лучше жить 40 лет на коне, чем без щита. Я лучше поживу, а потом уж после смерти пушай говорят: вон он-де голодал и поэтому умер. Пусть говорят, хоть и в сумасшедшем доме. Мне хватит этих 40.

Зовут на прогулку. Там опять они, они, эти люди, которых зовут не иначе как «больной» и обращаются ласково, до ужаса ласково. Пойду. От судьбы не уйдешь! Ни от своей, ни от мировой. Тем более что наши судьбы — как две большие параллели.

Вот лексикон. Надо запомнить, и все станет на место: мы называемся «чума», а есть еще алкоголики. Вот и все. Надо же, как просто!

На улице слякоть, гололед, где-то ругаются шоферы и матерятся падающие женщины, а мужчины (не падающие) вовсе и не подают им рук, а стараются рассмотреть цвет белья

или — того хуже — ничего не стараются: так идут и стремятся, не упасть стремятся. Упадешь — и тебя никто не подымет: сам упал — сам вставай. Закон, загон, полигон, самогон, ветрогон, алкогон и просто гон.

— А вы знаете?! Я ведь начальник Галактики. Это очень, очень много. А вы, ну что вы?

— А я начальник Вселенной.

— Этого не может быть: Галактика — это и есть Вселенная. А тут не может быть двух начальников одновременно.

— Извините, я позвоню домой... Мария! Это я! Что же ты? Да? А кефир? — я не могу без кефира, все кругом смеются, что я без кефира, а я без кефира! Жду!.. Так вы утверждаете, что Галактика и Вселенная — одно и то же. Позвольте заметить вам, что это не так. Это все равно что ну... Галактика — это только завтрак, зато Вселенная — это много завтраков, обедов и ужинов в течение неограниченного времени. И я начальник всего этого, так что, прошу вас, отойдите и не мешайте. Меня ждут дела.

Каждый человек может делать то, что хочет или не хочет его начальник. Есть такой закон. А если начальника нет, то и закона нет, и человека, следовательно, тоже, ничего нет. Есть дома, окна, машины, а более ничего. Нуль. Один всемирный нуль, как бублик, который никто не съест, потому что он не бублик вовсе, а нуль. Нуль.

Хватит, так нельзя. Врач запретил мыслить такими громадными категориями. Можно сойти с ума и... тогда прощай гололед, метро и пивные, тогда все время — это одно: психи, врачи, телевизор и много завтраков, обедов и ужинов, т(о) е(сть) Вселенная. Сгинь! Сгинь! Сгинь, нечистая сила! Нечистая сила — это грязный Жаботинский. Есть такое сравнение. Сгинь, грязный Жаботинский!

Вот еще был такой случай. Двое пили, пили и все пропили и с себя, и с окружающих. С окружающих их семей — отцов, матерей, жен и детей. Это с деток-то! Изверги! Детки-то ведь ручки тянут, зябнут, есть просят, а им и во двор-то похулиганить выйти не в чем. А они пропили все — в дым, в стельку, в дупель, вусмерть и еще в бабушку и в бога душу (Маяковский). Душегубы!

Словом, вопрос возник: как быть, что пить, — нечего пить, потому <что> не на что купить, а ограбить боязно — дадут по морде и бутылку на сдачу посуды отберут.

Один, который старше и трезвый, говорит:

— Пошли кровь сдавать — четвертый эффект: уважать

будут — раз и три сотни дадут — четыре.

Пошли. Одному р-р-раз иголку в руку, и качают, и качают. Насосом в две руки. Он хлоп — и в обморок: не вынес равнодушия. Ни тебе уважения и трехсот. Оказалось, откачали на сотню. Они две бутылки купили, пьют и плачут. А друг говорит:

— Твою кровь пьем, Ваня! Кровь людская не водица — она водка, Ваня, водка она, кровь, и ничего более.

— А ты всегда, Вася, кровь мою не водицу пил. Пил и не закусывал. Кровопивец ты и есть. Сволочь ты, и нет тебе моего снисхождения. Получай! — говорит, руку-то поднял, а ударить не может, ослаб.

А тот и не слышал ничего. Спал. На сосисках спал и кровь даже не допил. Может, пожалел! А?

Когда профессор под охраной дельфина двинулся вперед по коридору, ведущему в океанариум, пришедший в себя труженик науки хотел было взять на себя инициативу и уже потянулся даже к кнопке. Вот! Сейчас, одно нажатие — и сработают вмонтированные в мозг электроды раздражения, и идущий сзади парламентар ощущит приятное покалывание и уснет, и все уснут, и можно будет немного поразмыслить над случившимся, а потом уже бить во все колокола, и запатентовать, и пресс-конференции, а потом — домик с садом, и уйти в работу с головой, и исследовать, исследовать, резать их, милых, и смотреть, как это они сами вдруг...

Мысли эти пронеслись мгновенно, но вдруг голос — именно голос — китообразно пропищал:

— Напрасно стараетесь, профессор. Наша медицина шагнула далеко вперед, электроды изъяты, это ваше наследие теперь вспоминается только из-за многочисленных рубцов в голове и на теле. Идите и не оглядывайтесь!

Они остановились у входа, над которым горела надпись: «Вход воспрещен посторонним и любопытным», ниже еще одна: «Добро пожаловать», а уж совсем внизу и мелко: «Наш лозунг — ласка, и только ласка, как первый шаг к взаимопониманию».

Дверь распахнулась — и глазам профессора предстало продолжение его страшного сна. Боже, какое это было продолжение!

Весь океанариум кипел, бурлил и курлыкал. Можно даже было различить отдельные выкрики — что-то очень агрессивное и на самых высоких нотах. Три полосатых кита, любимцы города, которые до того, до случившегося, мирно выполняли балетные па, поставленные лучшим

балетмейстером и любителем животных одновременно, — эти три кита океанариума, как бы забыв всякие навыки, кувыркались и бились о стены, но все это весело и как-то даже ожесточенно весело.

Все дельфины-белобочки сбились в кучу и, громко жестикулируя, — нет, жестикулировать, собственно, им зачем, — громко крича на чистом человеческом языке, ругали его, профессора страшными словами, обзывали мучителем людей, то есть дельфинов, и кто-то даже вспомнил Освенцим и крикнул: «Это не должно повториться!» Один обалдевший от счастья дельфин, прекрасный представитель вида <...>, которому, видимо, только что вынул электрод собрат его по — да-да! — по разуму (теперь в этом можно не сомневаться), — этот дельфин делал громадные круги, подобно торпедо, нырял, выпрыгивал вверх, и тогда можно было разобрать: «Долой общение, никаких контактов!» — и что-то еще. Дельфины-лоцманы пели песню «Вихри враждебные» и в такт ныряли на глубину, потом выныривали, подобно мячам, если их утопить и неожиданно отпустить, и затягивали что-то новое, видимо уже сочиненное ими; какой-то дельфиний гам — нет, гимн — разлился вокруг:

Наши первые слова:

Люди, люди, что вы!

Но они не вняли нам, —

Будьте же готовы!

Вся баскетбольная команда перекидывала мячи через сетку, специально в нее не попадая и от этого находясь в блаженном идиотизме, что видно было по их смеющимся рожам.

Кругом царила картина радостного хаоса и какого-то жуткого напряжения, даже ожидания.

Хорошо, что толстые стены заглушали этот вой, треск, писк, доходящий до ультразвука, но что, если вынесет наружу?! Там, там ведь акулы и кашалоты, касатки, спруты — бр-р-ра! Профессор даже сжал зубы и сломал вставную челюсть. Он все-таки вынул ее и вдруг остолбенел.

Во всем хаосе этом, среди всей этой культурной революции только одно существо было спокойно и невозмутимо. Это был служитель. Он сидел — нет, он стоял, — словом, он как-то находился в пространстве и невидящими глазами смотрел вокруг!

— Что с вами? Вы сошли с ума! Идите сейчас же спать. Я побуду вместо вас, я прослежу за ни... — Профессор

услышал сзади позвякивание трезубца и вспомнил, что следить уже, собственно, не за кем, и если «следить, то» уж кто за кем следит!

— Как вы смели оскорблять животных!

Боже! Он опять забылся. Какой-то дельфин юркнул к борту, нажал на датчик, и в ту же секунду служитель бросился на профессора, выхватил у него, оторопевшего, из рук челюсть и растоптал ее прямо на глазах на дорожке у бассейна.

Это категорически воспрещалось, и профессор все понял: они сделали с ним то же, что мы до этого делали с ними. Он вмонтировали в него... Какой ужас! Да и за такой короткий срок исследовали и научились управлять... Кошмар!

— Да? А почему же это не было кошмаром, когда все было наоборот? — пропищал над ухом тонкий голос, но этот голос показался профессору уже противным. — Ну! Ответьте!

Он резко обернулся — на уровне его головы стояла морда одного из трех китов (он, конечно, опирался на двух других).

«Так! Это совсем худо! Эдак они научатся передвигаться по суше!» — машинально подумал профессор.

— Конечно! И очень скоро! — Голос принадлежал киту.

«Никогда не думал, что у такого милого животного будет такой противный голос», — опять подумал профессор.

— Но-но! Советую не шутить. — И кит показал профессору вмонтированный в плавник зуб акулы. — Я уже сделал им довольно много операций, и, заметьте, все успешно и бескровно. Но я могу и ошибиться. — Кит мерзко захихикал, а профессор постарался не отмечать про себя ничего лишнего, только одно напоследок: «Э! Да он еще и телепат».

— И очень давно. — Кит кашлянул и снял улыбку. А может, и не снял, черт его знает, только он насупился и произнес кому-то внизу: — Хватит! Он все понял, — и тут же с треском исчез.

— Что вы хотите от меня? — выдохнул профессор.

— Я уже объяснил вам в довольно доступной форме, — сказал дельфин с трезубцем.

— Ну хорошо! Так! Господа!..

— К черту господ! — рявкнул бассейн.

— Друзья!

— Долой дружбу ходящих по суше!

— Но как же к вам обращаться? — профессор растерялся окончательно.

— Это уж слишком, парни, — произнес в защиту чей-то

голос, по тембру — его проводника.

Все стихло. Профессор с некоторой даже нежностью благодарно взглянул на дельфина.

«Недаром я его любил, когда он был животным. Но стоп! Как же он шел по коридору, как он сидел у меня? Он же не должен мочь, не может долж...» — Профессор глянул вниз и упал...

У дельфина не было ног, но у него что-то было, и на этом чем-то были надеты его, профессора, ботинки.

Нас загоняют спать. Гасят свет везде, а в темноте находиться страшно. Вот и идешь, и спишь. Как все-таки прекрасно, что есть коридоры — по ним гуляют, и туалеты — в них... нет-нет, в них курят. Только там дурно, там все время эти психи, эти проклятые психи раскрывают окна, и сквозят, и сквозят. Я буду жаловаться завтра. Зачем завтра! Сейчас же напишу Косыгину... Эх! Погасили свет, как же можно! Как же вам не стыдно! Ну! Дайте только выздороветь!.. Покойной ночи. Жгу спички и пишу. Так делал Джордано Бруно. Он и сгорел поэтому так быстро. А я не могу, я пойду и буду спать, чтобы выжить — и уж тогда...

Я не могу спать. Нельзя спать, когда кругом в мире столько несчастья и — храпят. Боже! Как они храпят! Они! Они! Хором, и в унисон, и на голоса, и в терцию, и в кварту, и в черта в ступе. Они храпят, а я сижу в туалете и пишу. Как хорошо, что есть туалеты, хоть здесь и сквозняки. Они храпят, потому что безумны. Все безумные храпят и хрипят и «издают» другие звуки, словно вымаливают что-то у бога или у главврача, а сказать ничего не могут, потому что нельзя. В десять — отбой и не положено разговаривать. Кем не положено? Неизвестно. Такой закон, и персонал на страже. Как заговорил — так вон из Москвы, сюда я больше не ездок. А кому охота после отбоя вон из Москвы! Это в такую-то слякоть, в больничной одежде! Вот и не разговаривают и храпят: мол, господи, защити и спаси нас, грешных, и ты, главврач, сохрани душу нашу в целости! Душа — жилище бога,местилище, а какое к черту это жилье, если все оно насквозь провоняло безумием и лекарствами и еще тем, что лекарствами выгоняют!

Доктор! Я не могу спать, а ведь вы приказали, вы и лекарства-то мне колете эти самые, чтоб я спал, а от них импотенция. Да, да, не убеждайте меня, мне сказал алкоголик, а он-то знает; и сам, в конце концов, читал в медицинском справочнике.

Доктор, отпустите меня с богом! Что я вам сделал такого

хорошего, что вам жаль со мной расставаться? Я и петь-то не умею, без слуха я, и исколот я весь иглами и сомнениями!

Отойдите, молю как о последней милости. Нельзя мне остаться импотентом, меня из дома теща выгонит, и жена забьет до смерти. А? Ну ладно! Последний раз, самый последний... Опять вы не в руку! Это, в конце концов, свинство. А сестры — они милосердия, а не свинства!

О боги, боги! Зачем вы живете на Олимпе, черт вас подери в прямом смысле этого слова!

Говорят, в Большом театре был случай. Две статистки или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Файера или Файдильмера (это неважно, важно, что он еврей и не стоит этого), обвязались будто красными маками и упали вниз, причем в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия, — искусство они тоже любили. Скандал был страшный, но публика аплодировала. Эффект, елки-палки! А публике что? Хлеба и зрелищ. Хлеб в буфете в виде пирожных, а зрелище — вот оно, достойное подражания. Кровавое. Заедайте его, граждане, пирожными, заедайте!

И подражатели живо нашлись. В некоем городе Омске через час после дохождения туда слуха о происшествии в Большом две телефонистки тут же влюбились в начальника телефонного узла и сверглись вниз с телефонного провода. Обе убились насмерть, но одна выжила благодаря медикам и из клинической своей смерти сказала, что о содеянном не жалеет и ежели ей оставят жизнь, то будут рецидивы. Женщины! Одно слово — бабы. Курица не птица, баба не человек. Баба — это зло, от ней все несчастья наши и наших даже отцов и матерей.

Почему вы никогда не отвечаете мне? Что я, не человек, что ли! Молчите? Ну, молчите, молчите! Многие молчали, но ради подвига, так сказать, за идею! Слышали? — Камо, например, или масса партизан. Их, партизан, повесили, но они молчали из чистого принципа, а вы из хамства прирожденного, и не из чистого, а из грязного хамства. Хам на хаме в вас. Загордились? Ничего, и вас повесит кто-нибудь на могильной плите в виде фотографии.

Отстать? Что, заговорил! Вы, мол, идете вверх по лестнице — выздоровлению то есть. А наш удел — катиться дальше вниз? Шиш вам! Внизу 1-е отделение, а там буйные, нам туда — не надо. Но нам и наверх не надо — там 5-е отделение, женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста! Только не рекомендую, оттуда никто не возвращался живым. Ах, отойти? Пожалуйста!

Какие все-таки замечательные люди — заики: тихие, отзывчивые, никуда не спешат, а главное — чем они хуже нас, в самом деле? Ничем? Гитлер вон вовсе не заикался, не говоря уже о Муссолини. И что из этого вышло? Ничего! Вышло то есть кое-что гнусное, но именно потому, что не были они заиками. А будь они ими — не произнесли бы ни одной речи во вред международному народу.

Наши заики. Это некие отшельники, что ли. В хорошем то есть смысле. А заикание не порок — большое свинство. Их и лечат-то как-то красиво. Без уколов этих, от которых бывает импотенция. Бывает, бывает!

Вот! Лечат их как! Выводят на улицу, строят в стройные ряды и заставляют подходить к прохожим и спрашивать, например, вежливо: «Вы не женаты ли?» или: «Где остановка трамвая номер 12379?» — а такого трамвая и нет вовсе. Но это неважно, важно спросить в течение более короткого времени, чем все остальные. У них и секундомеры щелкают, и отметки им ставят. А в магазине надо спросить: «Сколько стоит колбаса?» или «Вы мне неправильно сдали сдачу». Это, может, и неправда, но это не главное, главное — спросить покороче. Их не очень мучают, считают в минутах и оценивают по 100-балльной системе.

— Вы, — говорят, — батенька, получили 68, а вы, — говорят, — Митенька, — 2.

Тут они должны сказать спасибо и разойтись обратно в больницу.

Сегодня все получили по 100, потому что вопрос был хороший: «У вас водка есть?»

Нянечки играют в «дураки», именно в «дураки», а не в «дурака». Как эти психи. Потому что у нянечек в это понятие входят и немецкий «дурак», и английский, и, конечно, русский настоящий «дурак», и, конечно, все эти психи, дураки. Нянечки — прекрасные женщины. Они не бабы, они — женщины. Одна мне сегодня сказала: «Красавчик ты наш». Да! Я уже об этом говорил.

Какой я красавчик?! — у меня гены и хромосомы изуродованы ЛСД (это я прочитал в «Огоньке»). Это про них — на Западе, а у меня все оттуда, с Запада, — все польские евреи.

Но этого никто не знает. Все думают, что я — негр. Почему, интересно? Ведь я не черный. Наверное, из-за кудрявых волос на груди. Конечно же, из-за волос, — как я раньше не догадался! Как все-таки приятно делать открытия!

Да! Совсем забросил я теорию нелинейных уравнений в

искривленном пространстве. Надо будет вспомнить, а то совсем отупел. А сейчас для тренировки:

$$[(\beta)^2 + p^3 + A^2 + i - i - 3 - B - E - P - \Gamma - i]^{10}$$

Ха-ха-ха!

Эти идиоты играют в домино. Глупо. Выигрывает тот, у кого меньше очков. Это уж совсем чушь. А если так — так сбрасывай себе, и все. А они думают, дураки! Психи — одно слово. Думают и стучат, стучат. Зачем стучать? Не стучите! Слышите! Стукачи! Предатели! Продажные шкуры! Только не бейте меня, «меня» нельзя бить, я еще ничего не сделал!

Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал.

Новый... новый... новый...

настучал.

Тот проснулся, перевернулся и три года потерял.

А новый барабанщик, новый барабанщик барабан его забрал.

Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты все-таки сволочь!

Поговорим теперь о пресловутом недостающем звене. Люди! Чего вам не хватает, кого не хватает вам, люди? Вам не хватает питекантропов! Вы пишете громадные исследования и теряетесь в догадках. А между тем ответ? Вот он. Слушайте же и успокойтесь, и раз навсегда забудьте о звене!

Жили-были питекантропы, родами или гуртами, попарно ли, моногамно ли, только были у них свои любви и печали, свои горести и радости, и делили они их между собой поровну, будьте уверены.

И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмущая, только что кончилась мезозойская эра, и не начинался еще третичный период, и никакого просвета впереди, — эдакое междувластие. Встали они на две конечности и воскликнули: «У-а!» Большого они еще, к сожалению, не могли, потому что не могли, и все. Воскликнули они свое горькое «а-у» и ушли в горы. Тактика известная — Мао Цзэдун уходил в горы и Кастро, но они вернулись, а питекантропы — нет. Летом были скачки и культурные революции, сафра и охота с Раулем в Беловежской пуще на привязанных зубров и привязанных же фазанов, а у питекантропов не было этого, как не было еще дружбы народов и великого китайского противостояния. Питекантропы ушли в горы и осели там плотно, настолько

плотно, что сами стали этими горами и спрессовались с ними. Потом народились новые обезьяны и новые питекантропы; послушные зову предков, сказали свое «у-а» и ушли в горы и спрессовались, потом новые и так далее». Так что дальше питекантропов история человечества не пошла. Все осталось так же, и только горы, скорее всего Гималаи, свидетельствуют об этом и растут на глазах, потому что на них спрессовываются питекантропы. А мы? Откуда мы? А мы — марсиане, конечно, и нечего строить робкие гипотезы и исподтишка подъялдыкивать Дарвина. Дурак он, Дарвин. Но он не виноват в этом. Тогда был капитализм.

Так зачем вам, люди, это недостающее звено! — бросьте доставать недоставаемое, а доставайте лучше звезды для своих любимых и сыр голландский. Говорят, его нет, — мы здесь этого не знаем. Есть или нет? Вот в чем вопрос!

Сегодня произошел возмутительный случай, который потряс меня с фундамента до основания, подобно Ашхабадскому землетрясению в 49-м году и Ташкентскому в 66-67-м годах.

Один выздоравливающий больной написал главному врачу заявление. Вот текст его — привожу дословно и построчно:

«Я, нижеподписавшийся, Соловейчик Самуил Яковлевич, армянин по национальности, а если хотите — и не армянин, возраста 43-х лет, 12 лет из которых я отдал Вам, уважаемый друг, — торжественно и в присутствии понятых заявляю, что:

давление мое колеблется всегда в одних и тех же пределах
1230–1240 км²/сек;

пульс мой — 3–3,5 парсек в час;

РОЭ — 12 мегагерц в раунд;

моча — всегда фиолетовая;

претензий нет.

В связи со всем вышенаписанным, считаю себя наконец здоровым абсолютно, «Вы» слышите, абсолютно нормальным. Прошу отпустить меня на поруки моих домочадцев, выписанных Вами вчера из этой же больницы (Вы ведь ни разу не дали нам увидеться) и горячо любимых мною, надеюсь — взаимно.

Хватит, наиздевались, проклятые!

С любовью и уважением к Вам

И. Солов».

Если бы вы знали, что началось, когда это заявление стало достоянием «общественности»! Алкоголики бросили домино, эту отвратительную игру. Один даже съел шестерочный

дупель, так что пришлось делать потом из картона (хоть бы он их все съел — и дупли и нет, — тогда не было бы этого стука), и, бросив все, они начали хохотать над унитазами (в коридорах и палатах шуметь не дают), и те унитазы, в свою очередь, гулко усиливали этот дикий отвратительный смех. «Чума» не понимала, в чем дело, но тоже вскоре начала повизгивать и бить себя по ляжкам, оставив обед, ложками.

Началось нечто. Ну конечно же, понятно, что не км², а просто километров и что парсек пишется через «а», но нельзя же из-за двух-трех неточностей в орфографии так насмехаться над человеком! Это же ж человек, а не какой-нибудь деятель профсоюза в США, который обуржуазился до неузнаваемости. Все мы знаем его как тихого, ненавязчивого больного, он никогда ни о чем не просил, его было не слышно, он был немой и даже сам себе ставил клизму. И такого человека накануне выздоровления так обхамить! Я сам помогал ему писать записку. Я даже сам ее писал, потому что Соловейчик давно лежит парализованный, и я горжусь этой своей скромной помощью умирающему уже человеку. Конечно же, он умрет, Солов, после всего этого. Быдло, кодро, падло — вот они кто. Утопающий схватился за соломинку, а ему подсунули отполированный баобаб. А главврач? Что главврач! Он пожал плечами, порвал крик моей, т<о> е<сть> его, Соловейчика, души и ушел в 1-е отделение для буйных, будто там ему ничего не преподнесут. Преподнесут. Я был и там, там ему будет рецепт.

Зачем, зачем я жил до сих пор?

Чтобы убедиться в черствости и духовной ядовитости обслуживающего персонала моей родной психиатрической лечебницы. Завтра я повешусь, если оно будет, это завтра! Да! И все! все тогда! Тогда уже, конечно, все.

Она парила по перилам,
Она мудрила и юлила,
Она грозила и сулила,
Она — Далила,
Но убила
Она Самсона —
Был он сонный.

Далила — это несправедливость, а Самсон — это я. Деревья умирают во сне. Трудно во сне, но я не боюсь трудностей. Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит? Никто!

Вот моя последняя записка:

«Я вчера много работал. Прошу не будить! Никогда. Засыпаю насовсем. Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны!»

А вот мое завещание.

Я не терплю завещаний, они все фальшивые, особенно политические, за некоторым исключением, конечно. Но вот оно:

«Да здравствует международная солидарность сумасшедших — единственно возможная из солидарностей!

Да здравствует безумие, если я и подобные мне — безумны!

И да здравствует все, что касается всего, что волнует и утешает!»

Всё.

Сна нет. Его еще не будет долго. Возможно, так и не будет совсем. С концом так и не вышло. Впрочем, это ведь тоже конец — жизнь без сна! А? Нет, вы представляете себе эту жизнь: все не спят, все только буйствуют или думают. Гениально!

У Кальдерона — «Жизнь есть сон». Там про то, как одного принца разбудили, а ему так все показалось мерзко, что он решил — это сон, а жизнь-то была во сне. Потому что не может не быть жизнь цепью гнусностей и лжи. Вот он придумал для себя удобенькую эдакую формулу. Соглашатель. Жизнь, дескать, есть сон, а сон есть жизнь, т(о) е(сть) тот сон, который настоящий сон, а не тот, который он посчитал сном. Тыфу ты, дьявольщина какая! А у меня все просто: «Жизнь без сна». Никто не спит, и никто не работает. Все лежат в психиатрической. Гениально! И всем делают уколы, от которых развивается информация, т(о) е(сть) импотенция, конечно. И все — импотенты. И дети не рождаются, и наступает конец света. Планета вымирает. Нет, так нельзя уж перегибать палку: жизнь без сна — это вот к чему ведет! По-моему, слишком. А почему, собственно?

На чем мы остановились? А! Планета вымерла. Место свободно — прилетай и заселяй. А с наших клиник предварительно сорвать надписи, и они станут похожими на школы. Они, собственно, и есть школы, только их переоборудовали. Бедные дети! Мы обокрали вас. Сколько бы вы здесь выучили уроков по арифметике, а тут... Конечно, вы нас должны ненавидеть. От нас ведь никакой осязаемой пользы — лежим, ходим, и вроде и нет нас для жизни, нет. Прах мы, а школу отняли. Так-то. Так вот, те прилетят —

смотрят: школы, и нет никаких там клиник для душевнобольных. Ну и хорошо. И начнут жить припеваючи. Потому что раз нет клиник — значит, не будет и душевнобольных, ибо все начинается со здания: построили здание — надо же его кем-то заселять! Глядь — человек идет, на ходу читает, — хватъ его и — в смирительную: не читай на ходу, читай тайно. На ходу нельзя. Такой закон. Нарушил — пожалте, тюрьма и надзиратели в белых халатах. Чисто, светло; а решетки на окнах — ничего, они ведь и в тюрьмах, но ведь ты в тюрьму не хочешь? В настоящую!.. Не хочешь! А почему не хочешь? А? Потому что здание хуже, не нравится здание. А тут на школу похоже, все-таки ближе к науке. Вот! Прилетят они, и этого ничего не будет.

Нет! Жизнь без сна — основной закон построения нового общества без безумия, но его — закон — еще не приняли.

Примут как миленькие: слишком много средств уходит... в космос. Вот что.

Люблю короткие рассказы и слова.

Один подошел к другому и ударил его наотмашь <...> по лицу, и ушел. А тот даже и не спросил за что. Наверное, было за что. И другой не объяснил, потому что действительно было за что. Он и дал.

Такой закон у людей: чуть что — в рыло, но иногда за дело, еще слова: миф, блеф, треп: до, ре, ми, фа. Коротко и ясно. И никаких. Какая гармония, симметрия, инерция! Господи! До чего красиво! Эпицентр... эпицентр... При чем тут эпицентр? А... Вспомнил. Просто если что — надо ложиться ногами к эпицентру, лицом вниз, — тогда, может, обойдется. Это — смотря далеко ты или близко, высоко ты или низко сухо или склизко и есть ли ямка, лунка, норка. Японцы так и делали, но они все низкорослые. Ну и нация! Они печень ели вражескую, чтобы стать повыше ростом, называется «кимоторе», но мы очень видная нация и печеней не едим. Нам надо просто ногами к эпицентру. Авось вынесет. Выносило же, и сколько раз, черт побери! Русь! Куда ж прешь-то! Дай ответ. Неважно, говорит, авось вынесет, и вынесло и пронесло, и несет до сих пор, и неизвестно, сколько еще нести будет.

— Вы слышали, вы слышали? Сегодня в 7-е привезли белогорячего, он повесился <в> Центросоюзе на бельевой веревке, а герой один из дома 68, который на «газике» работает, р-раз и снял, аккуратно так, даже веревку не срезал — пожалел. Зачем резать, когда можно и не резать! Лежит сейчас теплый, говорят: известное дело — белая

горячка, вот и теплый.

— А веревка где?

— Его же ею и связали.

— Испортили все-таки, значит.

— Зачем портить. Целиком!

Почему, интересно, горячка всегда — белая? Надо поменять. Это нам от прошлого досталось — от белогвардейщины. А теперь должна быть — красная горячка. А то — белая. Некрасиво, товарищи, получается! Так-то.

Первое, что увидел профессор, очнувшись, — это было громадное лицо дельфина, вблизи похожее на лик какого-то чудища или на кого-то, похожего на Бармалея из диснеевских фильмов, а не в исполнении Р. Быкова. На лице написано было какое-то даже беспокойство, и оно махало трезубцем возле лица пр<офессо>ра, тот позвякивал, но прохлады не давал.

— Что с вами? В наши планы это не входит. Мы не собираемся делать с вами ничего подобного. Наоборот, скорее мы хотели бы вас приобщить, так сказать... Но надо же сначала извиниться!

— Что это у вас на ногах? — выдавил пр<офессо>р.

— Ботинки, — удивился дельфин и чем-то постучал по пластиковой подошве. — Наши фабрики выбрали оптимальный вариант. У вас хороший вкус, пр<офессо>р. — Дельфин покровительственно похлопал его по плечу и жестом пригласил следовать за собой. — Я мог бы принять вас у себя, но там вода. «Вода, вода, кругом вода», — пропел дельфин, и профессор отметил у него полное отсутствие слуха.

В кабинете они расположились в креслах, и беседа пошла более непринужденно.

Дельфин позволил профессору курить, но резко отказался от спиртного, а потом, опережая вопросы, начал:

— Почему мы не говорили, а потом — вдруг и все сразу? Мы говорили, мы давно говорили, несколько тысяч лет назад говорили, но что толку? Цезарю — говорили, Македонскому, Нерону; даже пытались потушить пожар. «Люди! — говорили. — Что вы?», а потом плюнули и замолчали, и всю дальнейшую историю молчали как рыбы, и только изучали, изучали вас, людей. После войны вы построили океанариумы и Дж. Лилли с приспешниками начал свои мерзкие опыты. Контакта захотели! Извините, я буду прохаживаться, — заволновался дельфин и действительно начал прохаживаться. — Мы терпели и это, чтобы не нарушать

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru